

Мастерская

ХУДОЖНИК СЦЕНЫ

В молодости Александр Иванов даже не помышлял стать театральным художником. Он тогда работал в старинном сибирском городе Тобольске рисовальщиком афиш, чем был вполне доволен.

Но вот однажды у рекламного щита, к которому приложил руку Иванов, остановился режиссер местного театра. Почерк художника настолько привлек постановщика, что он предложил Иванову поработать над сценографией готовящегося спектакля. Иванов заинтересовался предложением, да одно останавливало — не было у него специальных знаний. Правда, после школы он поступил в художественное училище, но вскоре оставил его — надо было самому зарабатывать на жизнь. Об этом сказал режиссеру. «Ничего, — ободрил тот. — Знание — дело живное».

Так чистая случайность приобщила Иванова к делу, которое стало смыслом всей его жизни.

С той поры прошло более четверти века. Ныне Александр Григорьевич работает в Калининском драматическом театре главным художником.

...Мы сидим в его просторной мастерской, заполненной эскизами и макетами. Разговор идет о театре, о роли художника в процессе подготовки нового спектакля. Александр Григорьевич неторопливо рассуждает, что художник, приступая к работе, перво-наперво должен уяснить мысль драматического произведения, разобраться в окружающей обстановке, времени, в котором действуют персонажи. Необходимо собственное видение спектакля. Только при этих условиях художник может создать оформление, углубляющее и конкретизирующее режиссерский замысел.

Все, что рождено мыслью, эскизами этого человека, делается с желанием приобщить зрителя к сопереживанию, пробудить в нем тягу к прекрасному.

Мировоззрению Иванова, его душевному состоянию наиболее близки пьесы, затрагивающие глубины характера. И очень важно, что режиссеры учитывают эту особенность Александра Григорьевича, дают ему возможность как можно полнее проявить свои способности на любом прищипе. Пример тому спектакль «Светит, да не греет», поставленный главным режиссером театра В. Ефремовой.

...Вот залитый солнцем луг. Возле копны свежего сена хлопчет косарь. Поблизости речка и перегородившая ее замшелая плотина, между бревен которой просачивается вода. Уходящая за речку тропа теряется за реку.

Впечатление такое, что перед тобой не сцена, а живой мир, видно даже, как от легкого ветра покачиваются верхушки вековых деревьев.

— Почему художник добивается такой правды, вносит в спектакли дыхание поэзии? — размышляет

А. Чуйков. — Только потому, что он остро ощущает природу.

А вот слова другого артиста — Г. Пономарева:

— Александр Григорьевич не повторяет найденное ранее, а ищет новое, более созвучное времени.

Фактически Иванов пишет только эскизы. Но вот они утверждены художественным советом. Дальше над воплощением эскизов начинают трудиться буфаторы, столяры, плотники, осветители и... сам Иванов. Пока готовится декорация, покой сценографу только снится.

Иванов мастерски владеет своей профессией. Но нет предела совершенству, и он периодически участвует в семинарах при Всесоюзном институте повышения квалификации работников искусств.

Интересуюсь: а не забыл ли Александр Григорьевич Сибиряка, который вывел его на театральную стезю?

— Как забыть? — улыбается он. — Николай Васильевич Силкин теперь работает в Кирском театре драмы.